

Толкуете, что старики почтенны,
И старика зовете вы «отец».
Еще упрек ты сделал под конец.
Да, безобразна я, но в том залог:
Тебя минует еще горший рок -
Стать рогоносцем, ибо седина,
Уродство и горбатая спина -
Вот верности испытанные стражи.
Но, верная, тебе еще я гаже.
И чтоб меня ты не затеял клясть,
Ну что ж, давай твою насыщу страсть.
Сам выбирай, хотя не угадаешь,
Где невзначай найдешь, где потеряешь:
Стара, уродлива, но и скромна.
И до могилы преданна, верна
Могу я быть, могу и красотою
И юностью блистать перед тобою,
Поклонников толпу в твой дом привлечь
И на тебя позор иль смерть навлечь.
Вот выбирай. И толком рассуди».
У рыцаря заныло тут в груди.
Вздыхнул он тяжело и жене ответил:
«Миледи и любовь моя, уж светел
Стал небосклон, мне, видно, не решить,
Что дальше делать и как дальше жить.
Решай сама, как мудрая жена,
Какая нам с тобою суждена
Судьба и жизнь; тебе я доверяю.
Что хочешь ты, того и я желаю».
«Так, значит, над тобой взяла я верх.
К моим ногам гордыню ты поверг?»
«Ты верх взяла, тебе и выбирать».
«Приди же, друг, меня поцеловать,
Ты это заслужил своим ответом,
Получишь верность и красу при этом.
Пусть поразит безумие меня,
Коль изменю, а ты при свете дня
Увидишь, что прекрасней королевы
И обольстительней всех внучек Евы
Тебе явлюсь. Ко мне скорей приди,
Откинь тот занавес и погляди.
И если не зажгу в тебе я страсти,
То смерть моя в твоей, супруг мой, власти».
Когда увидел рыцарь, что жена
Приветлива, красива и юна,
Тут, вне себя от этой благодати,
Он заключил ее в свои объятия.
Ему и сотни поцелуев мало,
Она ж ему покорно уступала
Во всем, лишь бы порадовать его.
Не стану я рассказывать того,
Как, сохранив любовь свою до гроба,
Они в довольстве, в счастье жили оба.
Пошли, господь, и нам таких мужей,
А то еще покорней и свежей